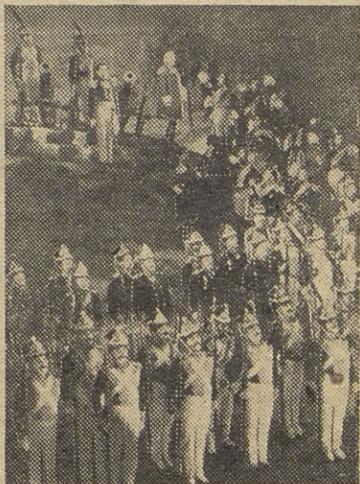
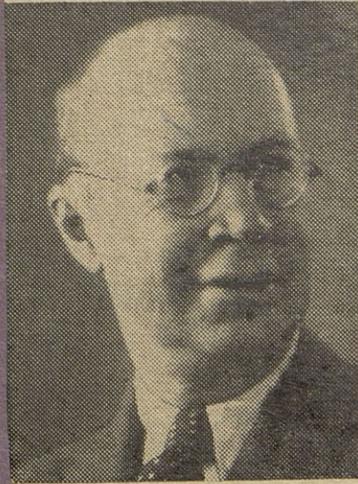

«Сов. артисты» 6 мая 1966 г.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. С. ПРОКОФЬЕВА

«...Его творчество способно возгораться темами не только национальными, историческими, народно-патриотическими: отечественными войнами XIX, XVI или XIII века (периода «Войны и мира», Ивана Грозного, Александра Невского).

Его терпкий талант, попав в страстное окружение шекспировской Италии Возрождения, вспыхивает балетом лиричнейшей из трагедий великого драматурга... И везде — искание: строгое, методичное, роднящее Прокофьева с мастерами раннего Возрождения, где живописец одновременно и философ, а скульптор — неразрывно математик.

Везде свобода от импрессионистического «вообще» и приблизительности мазка или размазанного цветного «пятна».

Не произвол кисти, но ответственность объекта чудится в его руках». Так еще при жизни Прокофьева писал о нем Сергей Эйзенштейн.

Способность слышать во всем музыку счастливо сочеталась у Прокофьева с развитой годами наблюдательностью, позволявшей ему идти в ногу с жизнью, быть современным в благородном и точном значении этого слова. «Он умел слушать время», — сказал о нем Илья Эренбург.

Еще в предреволюционные годы, когда тревога охватила, казалось, все искусство, а молодые силы русской музыки металась в поисках новых путей в творчестве, Прокофьев был одним из первых, кто интуитивно пошел навстречу самой жизни и своей дерзкой музыкой восхода солнца в «Скифской сюите» воплотил романтику радостного предчувствия нового мира.

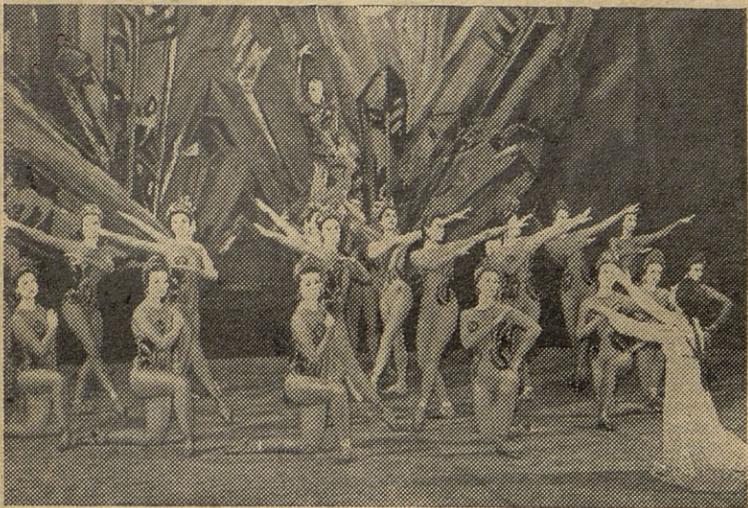
Через двадцать с лишним лет он же одним из первых в советской и мировой музыке выступил против нависшей угрозы фашизма, создав в музыке к фильму «Александр Невский» незабываемый образ патристически-призывной лирики «Вставайте, люди русские»; ее вдохновляющий смысл, особенно в годы разразившейся войны, легко угадывался советским и зарубежным слушателем.

К «современным обстоятельствам» была обращена и опера «Война и мир», создававшаяся Прокофьевым в самый тяжелый — первый год Великой Отечественной войны. Улыбки и слезы героев романа Толстого, их думы и мечты, поднимавшаяся «дубина народной войны» — все это было тогда особенно дорогим, нужным.

Но давним желанием Прокофьева было написать оперу на современный советский сюжет. Конечно, найти новые музыкальные слова для выражения новых чувств, нового отношения к жизни не так-то просто. Прокофьев это хорошо понимал. «Одно дело, — писал он в одной из статей, — когда заставляешь, скажем, петь оперные арии героев прошлых веков, людей, которые носят парики, бархатные камзолы, туфли с пряжками. Тогда все условности оперного стиля не представляют особых трудностей для современного композитора. Когда же изображаешь в опере героя сегодняшнего дня, нашего человека, говорящего современным языком, чего доброго пользующегося по ходу действия телефоном и т. д., на оперной сцене легко поскользнуться и погрешить против художественной правды». Но «надо искать, и если будет неудача в первой опере, то, может быть, выйдет лучше в последующей или в последующих... Я предпочитаю писать оперы на советские темы и даже выслушать отрицательные мнения в случае неудачи, чем не писать и не выслушивать».

И Прокофьев писал. В 1939 году появилась его первая (по счету пятая) опера на советскую тему «Семен Котко» (по повести «Я — сын трудового народа» Валентина Катаева), затем, уже после комической оперы «Дуэнья» и оперы «Война и мир», — «Повесть о настоящем человеке» по одноименному произведению Бориса Полевое.

Фото из спектаклей, поставленных на сцене Большого театра.

На снимках (сверху вниз): С. Прокофьев; картина «Бородино» из оперы «Война и мир»; Г. Уланова — Джульетта и М. Габович — Ромео в балете «Ромео и Джульетта»; А. Пирогов — Маг Челий и Л. Рудницкая — Фата Моргана в опере «Любовь к трем апельсинам»; О. Лепешинская — Золушка (в центре) в балете «Золушка»; сцена из балета «Петя и Волк».